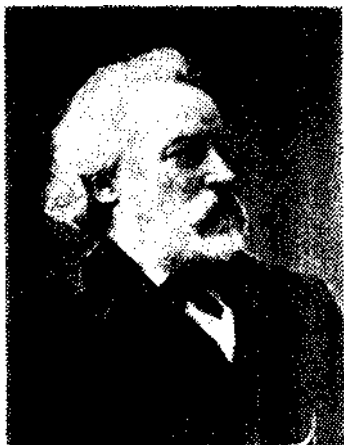

ИЗ ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНОЙ МЫСЛИ

ОТНОШЕНИЕ ИСТОРИКОВ К СОЦИОЛОГИИ

НИКОЛАЙ КАРЕЕВ

Публикуемая архивная рукопись академика Н. И. Кареева представляет собой пятую главу его большого неопубликованного труда «**Основы русской социологии**», законченного в 1930 году. Архивные документы личных фондов Кареева свидетельствуют, что он ясно представлял тот урон, который понесут гуманитарные науки от беспримерного натиска тоталитаризма. И он, как мог, стремился сохранить величайшие достижения отечественной науки. Привыкший постоянно и в любых условиях трудиться, Н. И. Кареев в эту пору своей жизни написал целый ряд ценных работ, не надеясь опубликовать их прижизненно.

В публикуемой главе Кареев пытается оценить отношение выдающихся русских историков к социологии. Насколько нам известно, никто из ученых до сегодняшнего дня не задавался подобной целью. Она оказалась по плечу лишь такому энциклопедически образованному человеку, каким был Н. И. Кареев.

Публикация и комментарии подготовлены к изданию В. П. Золотаревым. Оригинал рукописи хранится в Отделе Рукописей Государственной Библиотеки им. В. И. Ленина (Ф. 119 (Н. И. Кареев) Оп. 38. Ед. хр. 38. Л. 143—187 в авторской нумерации; Л. 1—45 в архивной нумерации).

Примечания автора даются под строкой, примечания и комментарии публикатора — в конце текста.

I. НЕРАСПОЛОЖЕНИЕ БОЛЬШИНСТВА ИСТОРИКОВ К СОЦИОЛОГИИ. — II. ВЗГЛЯД В. И. ГЕРЬЕ. — III. ВЛИЯНИЕ КОНТА НА И. В. ЛУЧИЦКОГО. — IV. СОЦИОЛОГИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ А. С. ТРАЧЕВСКОГО. — V. СОЦИОЛОГИЯ В ПОНИМАНИИ В. В. КЛЮЧЕВСКОГО. — VI. ЛЕКЦИЯ О ПРОГРЕССЕ П. Г. ВИНОГРАДОВА. VII. «ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ» П. Н. МИЛЮКОВА. — VIII. А. С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ И ЕГО «МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ». — IX. ОТНОШЕНИЕ К СОЦИОЛОГИИ Р. Ю. ВИППЕРА. — X. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ТРУДЫ Н. А. РОЖКОВА. — XI. ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЛЕКЦИИ В. К. ПИСКОРСКОГО И П. Н. АДАШЕВА. — XII. ВЗГЛЯДЫ Д. М. ПЕТРУШЕВСКОГО НА СОЦИОЛОГИЮ.

Переходя от юристов¹, интересовавшихся социологией и работавших в этой области, к историкам и к тем отношениям, в какие они становились к социологии, приходится констатировать то общее явление, что среди них было гораздо меньше, чем среди юристов, тех, которые придавали социологии большую цену*. Это явление, впрочем, не может быть названо специально русским, так как наблюдается и у других наций. Везде историки в большинстве отнеслись к проблеме социологии с большим или меньшим равнодушием, даже совершенно ее игнорируя, а иногда и с прямым недоверием к ее притязаниям, в известных же случаях с полным отрицанием, особенно тогда, когда усматривали в новой науке учение, долженствующее совершенно заменить историческую науку в ее традиционном понимании. В печати такое резкое отношение к социологии проявлялось, правда, очень редко, но в частных беседах «чистых историков» по меньшей мере скептическое отношение к социологии появлялось достаточно часто, чтобы дать право на такое обобщение. Немалое значение в создании подобного отношения к социологии имели соображения метафизического свойства, разделявшиеся теми или другими историками, натуралистические преувеличения некоторых утверждений социологов, колебания и шатания самой социологической мысли, отсутствие у самих представителей новой науки общепризнанной системы понятий и суждений, произвольность иных построений у популяризаторов новой науки. Некоторые критики позитивистской социологии склонны были объяснять это нерасположение к ней со стороны историков ее будто бы антиисторичностью, что, конечно, было неверно, раз одним из существенных понятий социологии стало понятие социальной эволюции. Главный аргумент противников социологии заключался в том, что методы естествознания неприемлемы к изучению исторической жизни, где все индивидуально. В таком именно смысле очень определенно высказался, например, Эдуард Мейер в своих «Теоретических и методологических вопросах истории»³. Этот взгляд произвел на наших историков, заинтересовавшихся вопросом, очень большое впечатле-

* Не к одной социологии, но и вообще к теоретическим вопросам своей науки большинство историков обнаруживало равнодушие. См. об этом мою статью о разработке теоретических вопросов исторической науки (см. стр. 33). Анонимный рецензент в "Рус. Мысли" (1891, III) принял констатирование факта за осуждение, даже за выражение "негодования" и взял историков под свою защиту. И в настоящее время мною только констатируется факт.

ние, равно как и соображения Макса Вебера⁴ в его «Объективности общественно-научного и общественно-политического познания», где решительно отрицалась какая бы то ни было общая теория и допускалась лишь возможность существования ряда индивидуальных умственных построений, одинаково приемлемых в качестве лишь вспомогательных по отношению к истории точек зрения*. В сущности такие мысли были не чем иным, как видоизменением основного взгляда Риккерта, утверждавшего, как об этом уже было сказано выше, что номотетическое изучение, имеющее в виду открытие общих законов, пригодно только в естествознании, тогда как гуманитарные науки обречены на одно идиографическое изучение отдельных, хотя бы и очень сложных явлений.

Вот один факт, характеризующий недоверие историков к социологии. Когда в Петербургском университете в 1919 году был поставлен на очередь вопрос о реформе преподавания на историко-филологическом факультете, среди многочисленных в то время профессоров и приват-доцентов истории только двое настаивали на том, чтобы в круг предметов факультетского преподавания была включена социология. Этими преподавателями были лишь академик Лаппо-Данилевский⁵ и пишущий эти строки, а остальные высказывались или резко отрицательно, или с большим сомнением, или равнодушно молчали. Если потом на факультете социология вскоре стала преподаваться, то произошло это вследствие слияния в скором времени с университетом двух еще высших школ, а именно Высших Женских Курсов и Психо-Неврологического института, в которых, как мы еще увидим, уже раньше было введено преподавание этого предмета, преподаватели которого и вошли в состав историко-филологического факультета университета.

Это нерасположение большинства историков к социологии стояло в связи с унаследованным еще от прежних времен нерасположением к занятиям общей теорией истории не в смысле теории исторического знания с ее техникой исторического исследования, а в смысле теории исторического процесса в философском освещении. Литература этого предмета была у нас вообще очень бедна, и только в конце XIX века к нему стал проявляться несколько больший интерес.

Weber M. Die Objectivität der Sozialwissenschaft und Sozialpolitischen Erkenntnis (Arch. für Socialis. und Sozialpol. «Gesammelte Aufsätze»).

С середины XIX века, как известно, философия истории утратила вообще прежний кредит, но если ее произвольные построения уже не вызывали к себе доверия, то все-таки на общих историологических идеях наших ученых историков продолжал сохраняться некоторый идеалистический налет, который сильно мешал принятию основных положений зарождавшейся социологии.

Прежде, нежели сделалась известною нашим историкам контовская мысль о социологии, они уже знали об ее отражении в «Истории цивилизации в Англии» Бокля, которая вскоре после выхода своего в свет (1858—1861) вышла в свет в двух русских переводах, из которых один был сделан известным историком К. Н. Бестужевым-Рюминым и издан в 1863 и 1865 годах. Бокль пользовался у нас громадною популярностью в передовых кругах русского общества и учащейся молодежи до начала семидесятых годов, пользуясь чем журналист О. К. Нотович издал сокращенное, популярное изложение этой книги (1874), неоднократно потом переиздававшееся. Основная мысль этого труда Бокля заключалась в требовании, чтобы история занималась, по примеру естественных наук, открытием законов, управляющих общественными явлениями, т. е., по мысли Бокля, история должна была быть замененной социологией, но у нас больше внимания было обращено на другое требование английского ученого — более сблизить историю с естествознанием, более пристально изучать влияние природы, т. е. естественно-исторических условий на жизнь народов. Переведший книгу на русский язык Бестужев-Рюмин, сам историк, назвал ее во вступительной статье к первому тому «великим творением», признал за ним «одно из самых важных мест в ряду попыток объяснить прошедшие судьбы человечества и создать прочные основы для определения его будущего развития» и вообще определил труд Бокля, как необыкновенно глубокий и ясный. На научной деятельности Бестужева-Рюмина, однако, увлечение книгой Бокля не сказалось, а через четверть века он столь же увлекался книгой Н. Я. Данилевского⁶, бывшей своего рода евангелием эпигонов славянофильства*.

Насколько Бестужев-Рюмин оказался одним из исключений из общего правила в своей оценке Бокля, настолько общим правилом было скорее критическое, скептическое,

* Теория культурно-исторических типов. Рус. Вести. 1888. У. О ненаучном характере всего построения см. мою статью в «Русской Мысли»

даже отрицательное отношение к его основной идее, правда, мало находившее отражений в печати, но высказывавшееся нередко с кафедр. Бокль думал не о создании новой науки, но о превращении прежней, давно существующей, в нечто новое, как бы отрицавшее все то, что делалось дотопе в исторической науке, и это вызывало протест, тем еще больший, чем более высоко ставился авторитет столь реалистично настроенного английского историка. Учащаяся молодежь шестидесятых — начала семидесятых годов не могла даже не изумляться по поводу такого отношения к ее любимцу.

Незадолго до начала русской социологической литературы два наших историка (петербургский, М. М. Стасюлевич⁷, и московский, В. И. Герье⁸) издали по книге, излагавших историю главных историко-теоретических учений. У первого из них о Конте и его социологии не было даже упомянуто, второй только коротко о нем упомянул, очень коротко изложив сущность его взгляда, но не обнаружив при этом более близкого с ним знакомства. Не возражая против общей постановки вопроса о социологии у Конта, Герье, однако, выразил сомнение относительно возможности «изучать так называемые исторические законы иначе, как в конкретных явлениях и особенно если будем рассматривать человечество в его историческом развитии, как одно целое». Как бы то ни было, Конт, по правильному заключению Герье, «не разрешил задачи превращения истории в положительную науку, а только поставил ее и поставил более правильно, чем Бокль. К последнему он отнесся в высшей степени строго, о чем может свидетельствовать хотя бы такое характерное место в его книге. «Никакие варвары, ни Аттила, называвший себя бичем Божиим, ни фанатические мусульманские орды, считавшие священным долгом истреблять всех, не признававших пророчества Мухамеда, не сделали столько зла человечеству, сколько могла бы повредить цивилизации ложная теория, что люди и народы в своих действиях подчинены только естественным законом».

Эти слова были написаны в 1865 году.

И прошло более тридцати лет, прежде чем Герье настолько заинтересовался Контом, что занялся им вплотную и посвятил ему специальную работу, на которой стоит остановиться.

В этой работе своей, довольно большой, напечатанной в четырех книгах (42—45) «Вопросов философии и психологии» за 1898 г. под заглавием «О. Конт и его значение в ис-

торической науке», Герье разбирает общее миросозерцание Конта и особенно его историко-философские взгляды, причем критикует и то, как он строил свою социологию, но ни разу нигде высказал своего отношения к задуманной Контом науке, нужна ли она и возможна ли, а если нужна и возможна, какую пользу она могла бы принести исторической науке. При общем отрицательном отношении к позитивизму как к философской системе и к построению Контом философии истории, многое в понимании им истории он готов был поставить ему в заслугу, признать «значение его социологии для историков». К числу ее достоинств автор отнес ее историчность, противоположную рационализму в политике, ее консерватизм, связанный с понятиями порядка и устойчивости, идею консенсуса и т. д. В частности, Контовскую статику он назвал «обогащением исторической науки». Но в особенности Герье обратил внимание на то, что Конт явился «одним из основателей социальной этики», подчеркнув, как особенную его заслугу, «скрещение его социологических сооружений с этическими», в чем даже усмотрел нечто «более творческое, чем его отвлеченная теория социологии», т. е. в данном случае Герье выдвинул на первый план как раз то, что особенно отвергалось социологами-объективистами. Свою статью он даже заключил такими словами: «Быть может, внесенное Контом в современную жизнь понятие социологии окажется более плодотворным в области социальной политики, чем в области теоретической науки». Одним словом, все то во взглядах Конта, что породило всю социологическую литературу, как-то мало затронуло Герье, и когда он, например, заметил, что Тэн⁹ положил начало изучению истории французской революции с социологической точки зрения, все-таки было неясно, что он под такой точкой зрения понимал.

Первым русским историком, отразившим на себе влияние Конта, был Иван Васильевич Лучицкий*¹⁰, занимавший кафедру всеобщей истории в Киевском университете, а в конце своей жизни и в Петербургском**. Увлечшись Контом в очень еще молодых годах, он был одним из первых у нас позитивистов, но довольно рано охладел к историко-теоретическим

* О нем см. юбилейные статьи Кареева, Тарле, Петрова, Мякотина в № 4 «Научного Исторического Журнала» (1914), другую статью Тарле в «Голосе Минувшего» (1914,1), в которой более, чем в других, об отношении Лучицкого к Конту.

** С 1907 г. работал в С.-Петербургском ун-те.

вопросам, сосредоточив всю свою работу на вопросах специального характера. Люди, знавшие Лучицкого в молодости, могли слышать от него восторженные отзывы о Конте, доходившие до того, что, по его тогдашнему мнению, вся историческая наука должна была бы свестись к оправданию социологического построения Конта, хотя такого крайнего взгляда он и не высказывал в своих статьях позитивистического направления, печатавшихся в «Знании» начала семидесятых годов прошлого века. Занявшись специальным изучением истории реформации и католической реакции во Франции, которым он посвятил три труда*, он самую задачу свою понял социологически в смысле «исследования структуры» французского общества в XVI веке, «описания изменений», происшедших в ней за данный период времени, и «указания на соотношение между структурой и событиями». Это было вполне в духе социологии Конта, но еще более указывало на влияние последней в такой формулировке дальнейшее пояснение автором своей постановки темы: «Другими словами, описать строй общества и его функции в статистическом и динамическом отношении». Мало того, своим историческим исследованием он имел в виду, как сам выразился, «подготовить материал для будущих обобщений в другой науке, еще зарождающейся», т. е. социологии. На Лучицком, впрочем, не сказалось влияние чисто интеллектуалистической социальной динамики Конта, а скорее влияние социальной статики. Так как строй его ума не был склонен к вопросам отвлеченной теории, то мало-помалу интерес его к социологии охладел, и он даже мало следил за тем, что происходило в этой области. Если он и предпринял перевод Спенсера на русский язык, то характерен был и выбор, им сделанный, «Описательной Социологии», наиболее философско-теоретического, наиболее историко-эмпирического труда английского мыслителя**.

Большую симпатию к новым реалистическим течениям в исторической науке проявлял в своих трудах одесский профессор Александр Семенович Трачевский¹⁷, который отнесся к Боклю сочувственно и критически, но не проявил даже порядочного знакомства с Контом, когда касался вопроса

*Феодальная аристократия и кальвинисты во Франции (1871) и др.

** Когда в начале восьмидесятых годов я работал над «Основными вопросами философии истории», сидя в Парижской Национальной Библиотеке, приходивший туда Лучицкий не раз укоризненно качал головой, проходя мимо моего места.

о социологии. В этом отношении характерна была его вступительная лекция, в которой он выразил свою научную позицию, как это делалось и до него, и после него.

Насколько Трачевский был знаком с историей социологии, можно видеть из его вступительной лекции, напечатанной под заглавием «Современные задачи исторической науки»*. В ней было сказано и об искании наукою естественных законов, и об открытии их путем научного сравнения, и лишь мимоходом упомянуто об «известной доле влияния» позитивизма Конта и Милля в этом направлении, но «начавший вырисовываться в последние годы полный облик новой науки» у него оказался связанным не с именем Конта, а с несколькими другими именами, куда случайно попало имя, напр., Беджгота, а изобретение самого названия социологии было приписано не Конту, а Спенсеру. О том, что уже делалось у нас по этой части, Трачевский как будто и не подозревал, упомянув лишь в переводной литературе по социологии, «делающей честь нашей (т. е. русской) молодой научной литературе», и о каких-то «трудах самоучек», из которых на Западе известны труды Вешнякова. (Кстати сказать, социологом не бывшего). Делая беглый обзор того, что он обозначил как новый метод в истории, Трачевский отметил, что в истории установления этого метода «не встречается только имен специалистов-историков», которые «до последнего времени», по его словам, «делая лишь небольшие уступки новому воззрению, не только уклонялись от своей новой задачи, но даже относились к ней с недоверием», не подозревая, что «социология не станет на свои ноги без их помощи». Впрочем, он назвал довольно случайно нескольких историков, будто бы проводивших «новый взгляд» (среди русских Грановского, Ешевского и Соловьева). И только вполне правильно (отрицательно) оценил мысль Бокля о том, будто излишня, бесполезна «прежняя форма истории», которая «всегда сохранится как необходимый запас многих сведений, не входящих в социологию непосредственно».

Для отношения Трачевского к социологии характерна его статья «Московская смута XVII века и основа социологии» (Научное Обозрение 1900, I, II, V), написанная по поводу диссертации С. Ф. Платонова «Очерки по истории смуты в Московском Государстве XVI-XVII вв.» Ее подзаголовок «Опыт изучения общественного строя и сословных отношений

* Зап. Новорос. Унив., т. 28. Более подробно то же было изложено Трачевским в журнале «Беседа» за 1871 год.

в смутное время» являлся для автора статьи основанием для его указания на то, что данная книга написана с «социологической точки зрения». Свою статью он тоже назвал написанной с «социологической точки зрения», а содержание ее целиком и заключалось в беглом обзоре социальной истории Европы со времен Римской империи. Таким образом, у Трачевского «история с социологической точки зрения» значит не что иное, как «социальная история», история общественного строя или, что то же, общественных классов. Сама «молодая наука» социология представлялась ему не наукой об общественных явлениях вообще, а историей «образования классов и сословий», как «первого и неоспоримого закона развития человечества». В таком представлении социология не противопоставлялась истории, как наука абстрактная науке конкретной, а являлась одной из составных частей исторической науки, историей именно социальной, рядом с историей политической, культурной (в смысле духовной культуры) и т. п. При подобном понимании и социологом у Трачевского являлся не теоретик-обществовед, а историк, специализировавшийся в области социальных отношений в тесном смысле, т. е. классовых взаимоотношений, того, что он называл основой социологии или ее «скелетом», ее «железным или коренным законом».

Трачевский прямо отождествлял социологическую точку зрения свою с учением о борьбе классов, находя, однако, что в истории вообще происходит борьба и что потому последняя как была и до образования классов, так будет «и в случае их исчезновения». Это — одна сторона истории, но «социологу (говорит он по поводу борьбы патрициев и плебеев в Риме) приятно иметь дело с таким односторонним материалом, не затушеванным, как, например, в Элладе, богатым, все стушевывающим развитием духовной культуры».

Герье, Лучицкий, Трачевский были, как у нас принято было говорить, «всеобщими историками» в отличие от историков русских, т. е. занимались изучением прошлого других наций, а не России. Всеобщие историки гораздо более отражали на себе состояние исторической науки на Западе и западных теоретических идей, чем историки русские, в большинстве случаев более зависевшие от своих отечественных предшественников, нежели от заграничных современников. С. М. Соловьев¹² составлял исключение, но в эпоху начала у нас социологии он уже доживал последние годы (ум. в 1879 году), а отношение его к Боклю было не лучше того,

которое мы видели у Герье. Первым русским историком, о котором приходится говорить в этом нашем обзоре, был преемник Соловьева на кафедре русской истории в Московском университете Василий Осипович Ключевский (1841—1911)¹³, оказавший громадное влияние на целый ряд историков более молодого поколения*. С этой точки зрения понимание им социологии заслуживает особого внимания, хотя очень подробно на эту тему он не высказывался. Начало преподавания им истории относится к семидесятым годам прошлого столетия (в Московской Духовной Академии в 1871 г., в Университете в 1878), но курс его, много раз литографировавшийся студентами, был им издан только в начале XX в., а свои общие взгляды он высказал именно в этом курсе.

В первой лекции своего «Курса русской истории» (1904) он различал как предмет исторического изучения, во-первых, «культуру» и «цивилизацию», разумея под первой сумму интересов и «удобств личного существования» (что было взято у Гизо), во-вторых — «состав и строй самого общежития, природу и действие исторических сил, его строящих, свойство тех многообразных нитей, материальных и духовных, которыми связывается людское общежитие и помощью которых случайные и разнохарактерные людские единицы с мимолетным существованием складываются в стройные и плотные общества, живущие целые века». Вот историческое изучение этого второго предмета и составляло в глазах Ключевского задачу науки об обществе, которую он и назвал «исторической социологией»; «в кругу исторических наук, добавил он, эта отрасль то же, что физиология в кругу наук биологических». Культура и цивилизация в его представлении создаются «совместными или преемственными усилиями всех культурных народов, и это — предмет всеобщей истории, но строение и развитие каждого отдельного народа может быть предметом только местной истории, изучение которой и дает готовый и наиболее обильный материал для исторической социологии». В этом коротком рассуждении историческая социология как бы ставилась рядом с историей культуры и цивилизации и, следовательно, историческая

* Сборник «В. О. Ключевский, характеристики и воспоминания» (1912), — Статья М. К. Любавского (Чтения в Общ. истории и древностей российских. 1914,1). В 8 кн. «Рус. Истор. Журн. (1922) ст. С. Голубцова. «Теор. взгляды Ключевского» и ст. Преснякова, отмечающего общий скептицизм Ключевского.

социология являлась только частью исторической науки, т. е. социология не противопоставлялась истории, а, наоборот, в нее включалась. Но Ключевского интересовало при этом не взаимное отношение истории культуры — цивилизации и исторической социологии, а таковые же отношения всеобщей и местной истории, или «сочетания внешних и внутренних условий исторического развития». Признав основным предметом исторической социологии «природу и взаимодействие элементов общежития, как они проявлялись в исторически слагавшихся обществах», он полагал, что чем более будет изучено таких местных сочетаний, тем более будут познаваться «природа людского общежития, законы его движения, так сказать его механика», и что «из науки о том, как строится человеческое общежитие, может со временем выработаться и прикладная часть исторической науки — науки о том, как лучше строить его, это общежитие». Значит, для Ключевского социология являлась не обособленной от истории наукой, а частью исторической науки, изучающей строение отдельных обществ, исторически данных. Социологическое изучение определяется у него не задачей или методом изучения, а его предметом. В таком именно смысле он и употреблял выражения «социологическое изучение», «историк-социолог».

Такое понимание исторической социологии и было положено Ключевским в основу его «Курса русской истории», целиком построенного из «общих фактов политических и экономических с их разнообразными следствиями и способами проявления», причем из его обзора прошлого русского народа сознательно устранялись «домашний быт, нравы, успехи знания и искусства, литература, духовные интересы, факты умственной и нравственной жизни». Одним из его мотивов ограничиться политическими и экономическими фактами было то, что «с них удобнее начинать изучение исторической жизни», т. е. он полагал эти факты в основу курса по их значению не в историческом процессе, а только в историческом изучении, — точка зрения, усвоенная некоторыми историками, которые испытали на себе влияние Ключевского или вообще по складу своего ума и по характеру научных интересов предпочитавшими изучение общественных отношений, порядков, учреждений — изучению идеологий. «Умственный труд и нравственный подвиг, — писал, между прочим, Ключевский, — всегда останутся лучшими строителями об-

щества, самыми лучшими двигателями человеческого развития*.

Такой же точки зрения на две разных категории исторических фактов держался и Павел Гаврилович Виноградов¹⁴ (1854—1925), бывший профессор в Москве и в Оксфорде, известный своими солидными трудами, главным образом, по истории социальной Англии, отчасти — других стран в середине века, стоявший на той точке зрения, что хозяйственные отношения могущественно воздействуют на развитие права, которым он особенно интересовался. В отличие от Ключевского, его, конечно, следовало бы назвать историком-социологом, но к отвлеченной социологии он относился без интереса и только один раз выступил в печати с небольшой брошюрой, публичной лекцией на историко-философскую тему «О прогрессе» (1898). В самом ее начале он отметил, что все настоятельнее ставится запрос на построение науки об обществе, социологии, между прочим, для «внесения ясности и правильности в хаотическое многообразие исторического материала». Одним из общих вопросов такой науки являлся для Виноградова вопрос о прогрессе, которому и было посвящено содержание брошюры, более повествовавшее о том, как ставился вопрос этот в прошлом, чем излагавшее взгляд самого автора. Дошедши в своем историческом обзоре до XIX века, он занялся передачей и сопоставлением взглядов Гегеля и Спенсера, совершенно обошедши молчанием Конта. Рассматривая же теорию эволюции Спенсера, тоже не упомянул, что же понимал последний под названием социологии, хотя один раз и употребил этот термин, говоря о том, что Спенсер не видел никакого различия в процессах, изучаемых, с одной стороны, механикой, физикой, химией и биологией, с другой — психологией и социологией. Если в конце брошюры мы и находим собственные соображения Виноградова, то они лишь обнаруживают только, как, в сущности, он был далек даже от терминологии и фразеологии социологической литературы.

Позицию, близкую к позиции Ключевского и Виноградова, занимал в исторической науке и Павел Николаевич Милюков¹⁵ (1859), известный как политический деятель, короткое

* По всей вероятности, Ключевского заинтересовал социологизмом бывший в середине шестидесятых годов его частным учеником А. А. Шахов (1850—1877), впоследствии прив. доц. Московского университета по кафедре истории иностранных литератур, большой поклонник Конта. Учителя и ученика соединяла самая тесная дружба. Шахов оказывал на Ключевского вообще некоторое умственное влияние.

время профессорствовал в Москве и в столице Болгарии, но он относился с гораздо большим, чем они, вниманием к теоретическим вопросам своей науки и даже читал в Софийском университете курс о разных философско-исторических системах*.

Свои общие историологические взгляды Милюков высказывал** во введении к своим известным «Очеркам по истории русской культуры» (1896). Заявив себя противником философий истории, как «обломка давно разрешенного мировоззрения», он указывал на социологию как на единственную научное объяснение истории, которым «может и должна воспользоваться политика». «В основе такого объяснения должна лежать идея закономерности исторического процесса», развивал Милюков свою мысль, и «если бы даже нам никогда не суждено было открыть ни одного исторического закона, мы, по необходимости все-таки должны были бы предполагать их существование». Эту оговорку он счел нужным сделать ввиду того, что «признать историческую закономерность несравненно легче, чем открыть законы истории». Мало того, вполне естественно усомниться даже в самом существовании специальных исторических законов. Исторический процесс, который у автора называется и социологическим, — требует разложения на элементы, «находящие себе объяснение в психологии и вместе с последней опирающиеся на все здание закономерности более простых явлений мира, — физических, химических или физиологических», — заявление, в котором нельзя не видеть влияние Конта, если только оставить в стороне психологию. Поэтому Милюков нашел возможным свести историческую закономерность к закономерности психологической, физиологической и т. д. Тут он находил широкое поле для применения дедуктивного метода, и, напр., психология признана была опорой для со-

* Он был и в числе критиков моих «Основных вопросов философии истории». П. Н. М. Историософия г. Кареева // Русская Мысль. 1887. XI. С. 90—101.

** Еще раньше Милюков высказал свои теоретические взгляды в критической статье (с полемическим характером). «Историософия г. Кареева» (Рус. Мысль 1887, XI), обозначивши свое авторство инициалами П. М. В ней защищал классификацию Конта от моей поправки, высказывался против отрицания мною специально «исторических» законов, критиковал «субъективизм», т. е. являлся позитивистом в большей мере, чем критикуемый автор. См. разбор статьи Милюкова в «Новых ответах критикам» (Рус. Бог. 1889, XI-XII). Из многочисленных критиков моей диссертации он был единственным специалистом по истории, к которому впоследствии присоединился только П. В. Безобразов¹⁶.

циологических дедукций в смысле признания «основных, всюду одинаковых, тенденций исторического процесса», которые в наше время «историческая теория» игнорировать не может, лишь бы только им не придавалось «слишком исключительное значение при объяснении реальных исторических явлений». Дело в том, что «социологический процесс должен осуществляться в какой-нибудь среде», чтобы внести в историческую жизнь большое разнообразие, делающее невозможным «распознать среди всевозможных вариации одну и ту же основную подкладку». Следовательно, «занимаемся ли мы общим изучением социологических законов, или прилагаем эти законы к объяснению данного частичного случая, законы социального действия обстановки точно также должны быть приняты во внимание, как и законы общественной эволюции». Милюков не забыл при этом отметить еще, что на историю любой страны оказывают влияние еще и другие страны.

Во всем своем рассуждении, употребляя прилагательное «социологический», Милюков не давал точного определения этого термина и не говорил о социологии как особой науке, отличной от истории, хотя и упоминал о социологах как о чем-то отличном от историков. Если, спрашивал он, историку нужно «полное объяснение данных, конкретных фактов, то нужно ли оно социологу? Имея в виду открытие законов и пользуясь конкретными данными только как материалов, не должен ли социолог просто оставить в стороне все факторы, придающие событию индивидуальную физиономию». На этот вопрос Милюков считал возможным только один ответ, так как, по его мнению, «трудно было бы даже прогости определенную границу между общей и частной стороной исторического явления, так как в нем мы имеем только результат совместного действия общих и частных факторов». Разграничить ту и другую сторону он считал невозможным, а это, конечно, и не позволяло ему говорить о социологии как об особой науке со своим предметом, задачей и методом. Приводя библиографию вопросов, затронутых во введении к «Очеркам», Милюков назвал, главным образом, несколько трудов по теории истории, а из чисто социологических лишь «Социальную динамику» Лестера Уорда¹⁷ и русскую его популяризацию, сделанную Николаевым, обошедши полным молчанием и Лаврова¹⁸ с Михайловским¹⁹, хотя и ими трактовались затронутые Милюковым вопросы.

С несомненным интересом к социологии относился Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (1853—1919), около тридцати лет читавший лекции в Петербургском университете и около двадцати бывший членом Академии Наук. Заинтересовавшись Контом и его социологией, а также и Спенсером еще в средней школе, он много занимался относящимися к ней вопросами и прочитал в университете ряд курсов, на такие темы, как «основные принципы обществоведения», «систематика социальных явлений разных порядков», «историческая методология» и т. п., образовав и семинарий по этим вопросам. Влияние англо-французского позитивизма уже в начале самостоятельной деятельности Лаппо-Данилевского сменилось новокантианским и, в частности, влиянием Вандельбанда и Риккерта. С точки зрения критической философии он занялся исследованием корней позитивизма и написал очень ученую и солидную статью «Основные принципы социологической доктрины Конта», которую поместил в сборнике «Проблемы идеализма» (1902), где напечатаны были статьи и некоторых юристов, стоявших на точке зрения новокантианства. В этом последнем направлении Лаппо-Данилевский читал и свои социологические и методологические курсы. Из них увидел свет в печати один Курс, вышедший сначала в студенческом литографированном издании, пока не появился как печатная книга в двух частях (1910 и 1913). Этот труд остался неоконченным за смертью автора, успешного, однако, начать новое его издание в «Известиях Академии Наук».

В указанной работе о Конте, подвергая критике основные принципы его философии вообще и социологии в частности, Лаппо-Данилевский нигде не выражал сомнения в возможности и нужности социологии. Он только ставил вопрос, достаточно ли твердо Конт установил социологические принципы, чтобы можно было говорить об основании им социологии, дабы, между прочим, содействовать «выяснению общих принципов, которые должны были бы лежать в основе мало-мальски удовлетворительной теории обществоведения». Следовательно, к самому замыслу такой научной теории он относился положительно и потому, нужно прибавить, — выразил в своей статье желание «содействовать по мере сил ее водворению». Особенно сочувственно отнесся он к «Курсу» Конта как к одной из первых попыток построить логику отдельных наук. Другое дело, насколько удачно сам Конт строил свою социологию. Здесь Лаппо-Данилевским

вскрыты были и необоснованность, и противоречивость, и непоследовательность, и неясность многих идей Конта, в частности в вопросах о среде, о человеческой природе, о консенсусе и об эволюции, но все-таки признана была важность этих проблем самих по себе. Пусть также сам Конт не открыл ни одного закона социологии, но все-таки он поставил новой науке такую задачу. И пусть также социологии он сам не построил, но все же такая наука возможна и нужна, как вытекает из всего рассуждения Лаппо-Данилевского.

Не социология, однако, сделалась предметом занятий Лаппо-Данилевского, а философия истории и ее методология. По первой следует упомянуть о его небольшой статье «Материалы для плана общеобразовательного курса по истории человечества», помещенной в «Памятной книжке Тенишевского училища» (1902). Что касается до «Методологии истории», тот этот очень ученый, весьма систематический и детально разработанный труд построен был Лаппо-Данилевским на принципах Виндельбанда и Риккерта, игнорировавших социологию как таковую, но автор и занялся только историей, в которой, действительно, существуют два направления, одно изолирующее, другое — обобщающее*.

По вопросу о социологии и ее значении высказался еще Роберт Юрьевич Виппер (1859), бывший последовательно профессором новой истории в Одессе, в Москве и в Риге²⁰. Будучи формально учеником Герье, он больше отразил на себе взгляды на историю Ключевского и Виноградова, по крайней мере в смысле особого предпочтения к социально-экономической точке зрения, хотя по некоторым пунктам его взгляды значительно менялись. Свои историко-теоретические воззрения он высказал, главным образом, в книгах «Общественные течения и исторические теории XVIII и XIX веков» (1900) и «Очерки теории исторического познания» (1911) и в статье «Несколько замечаний о теории исторического познания» (в сборнике «Две интеллигенции», 1912).

В первой из названных книг Виппера, в которых общественные учения и исторические теории рассматривались «в связи с общественным движением» есть целая глава под названием «Социальная и историческая философия позитивизма» с очень отрицательной характеристикой Конта, жизнь которого отличалась «величайшим однообразием, удаленностью от реальных впечатлений, незнанием и игнорированием

* О "Методологии истории" см. в моей статье, опубликованной в "Научном историческом журнале". 1913. 1. С. 64—69.

людей», с «поразительным его самомнением», с его Курсом, «представляющим какую-то пустыню изложения», где нет ни одной метафоры, ни одной характеристики и т. п., с его столь странными во многих отношениях идеями. Строгая критика, какой наш историк подверг эти идеи, строгая и, нужно прибавить, часто верная, бросила в его глазах тень и на замысел Конта создать новую науку. Конт любил сочинять новые слова «социология», «альтруизм» и т. п., но Виппер не придал большого значения и самому новому понятию социологии, в которую Конт хотел преобразовать всеобщую историю. Все то, что в замысле Конта дало толчок научному, позитивному изучению общества, прошло как-то перед критиком, не затронув в нем сколько-нибудь сочувственного внимания, и в мышлении родоначальника социологии он отметил только одни отрицательные черты. Например, в социологии Конта, по словам Виппера, нашла себе место вся мистика, созданная революционным периодом, его отменистическими теориями и ответным на них представлением о «божьем суде на земле»; или еще «социология учит преклоняться перед стариной, перед предками». Мало того, из всей совокупности идей Конта критик сделал вывод, что «социология Конта занимается не историческими и современными обществами, не обществом в нарицательном смысле, т. е. не обществом как совокупностью типичных явлений, повторяющихся в разное время и в разных местах», а только человечеством в целом. Указывая в заключении к этому изложению на то, что не оказалось живучим от Сен-Симона и Конта в исторических работах дальнейших поколений, Виппер даже и не упомянул о социологической литературе. Та инициативная мысль Конта, к которой примкнул целый ряд мыслителей и ученых Старого и Нового Света, не вызвала к себе внимания критика, и, если он здесь высказался более в пользу другого социолога, то это был Спенсер, который для него явился «типичным представителем нового настроения в истолковании социальной современности и ее исторического прошлого».

В «Очерках теории исторического познания» (1911) Виппер прямо отрицал самое право социологии на существование как самостоятельной науки. «Есть ли, — спрашивал он, — необходимость различать две науки — абстрактную, социологию и конкретную, собственно историю?». «Если, — таков был его аргумент, — если смысл социологии заключается в постановке общих задач, то из них трудно или невозможно образовать особую область научного ведения, по-

тому что общие задачи невыделимы из всей совокупности работы над историческим материалом». Поэтому Виппер готов был понимать социологию, самое большее, «как умственное отвлечение новых задач, поставленных в исторической науке и в ее действительной жизни, неразрывно соединенных с материалом».

Высказываясь, таким образом, против социологии как отдельной науки, в тех же «очерках» автор советовал обращаться за разрушением общих социологических вопросов, существования которых все-таки не отрицал, не к чему иному, как к этнологии, думая, что «в настоящее время этнолог является более, чем когда-либо, социальным философом». В данном вопросе он исходил из того соображения, что «в жизни малокультурных обществ уже имеются все же соотношения, которые нас интересуют в культурной среде», с тем только различием, что «там они проще или, как выражались в XVIII в., они выступают в своем естественном виде». Но, в сущности, что такое эта этнология, как не генетическая социология, оперирующая над этнографическим материалом.

Виппер даже полагал, что социологическая точка зрения в исторической науке, все это сравнительное изучение и открытие законов, установление эволюционных рядов должно смениться новым направлением, которое можно назвать теоретико-познавательным критицизмом. Сам Виппер именно и переходил на точку зрения, полагая, что социология может быть заменена методологией, теорией исторического познания*.

Более определенную и более положительную позицию, чем все предыдущие историки, по отношению к социологии занял Николай Александрович Рожков²¹, два труда которого, более ранний «Обзор русской истории с социологической точки зрения» (СПб., 1903—1905) и более поздний, двенадцатитомная «Русская история в сравнительно-историческом освещении» (П.-Л.-М., 1918—1926), прямо могут быть зачислены в социологическую литературу. Это последнее произведение автор сам был готов рассматривать как часть самой социологии, дав ему подзаголовок «Опыт социальной динамики».

В 1898 г. Рожков писал об «Успехах современной социологии в их соотношении с историей» (в журнале «Образова-

* Позднее Виппер радикально изменил свои взгляды в брошюре «Кризис исторической науки» (1921 г.), где стал выдвигать вперед не внутреннюю, а внешнюю (дипломатическую и даже военную) историю. См. рецензию М. Покровского. Под знаменем марксизма. 1922. III.

ние)», что «для разрешения вопроса о современных направлениях в истории и их вероятной будущности важны не столько специальные приобретения исторической науки, сколько те социологические выводы, к которым она теперь приводит, и те социологические принципы, которые принимаются в основу исторических исследований». «Эти выводы и принципы, — указывал еще автор, — стоят, в свою очередь, в тесной связи со специальной социологической литературой, обойти которую, таким образом, совершенно невозможно. При этом в статье было им обнаружено некоторое знакомство с этой литературой. В 1907 г. от Рожкова мы имеем «Основные законы развития общественных явлений» с подзаголовком «Краткий очерк социологии». В основе высказанных здесь взглядов лежит его убеждение, что есть некоторый закономерный общий порядок прохождения всеми народами одних и тех же стадий развития, дающий даже возможность определить «тот период, какой переживает данная страна», и на основании этого выяснить, «какие общественные формы имеют в ней будущность» и даже «найти конкретные приемы и средства к облегчению появления на свет новых форм» и нового лица, и психологию группы с одинаковыми хозяйственными интересами. Таким образом, и Рожков вводил в социологию психологический момент, ставя его дальше рядом с экономическим. Оба направления он признал одинаково «попытками монистического взгляда на историю и социологию» и обоим предсказывал будущность, и при этом «более блестящую» как раз психологическому направлению. Оно, по его словам, пойдет по дороге конкретного изучения: после того, как мы будем иметь научную классификацию человеческих характеров или типов, будет изучаться историческая их эволюция и причинная связь ее моментов с другими эволюционными процессами. Будущность экономического материализма, думал Рожков, не столько в его теоретическом развитии, сколько в критическом влиянии на историческую работу, в которой «очередная задача — изучение экономических процессов»*.

* Об этой статье Рожкова в виде возражения на пункты его разногласий со мною я поместил в «Образовании» за 1899 г. (февр.) заметку «К вопросу о понимании истории», где указывал на то что оба «мы совершенно одинаково понимаем задачу социологии и отношение этой науки к истории» и «одинаково понимаем предмет истории» причем я присоединился и к тогдашнему его взгляду на экономический материализм (о чем см. ниже). Из историко-теоретических работ Рожкова в этот период си. еще «История, мораль и политика» (Правда., 1904., 1).

Высказался о социологии еще В. К. Пискорский²² (1869—1910), занимавшийся специально историей Испании, бывший сначала приват-доцентом в Киеве, потом профессором в Казани. В своей вступительной лекции в Казанском университете «О предмете, методе и задачах науки всеобщей истории» (1906) В. К. Пискорский, коснувшись вопроса о социологии с ее стремлением открыть законы общественных явлений, за поисками новыми истинами» устремилась, кроме серьезных исследователей, «масса дилетантов», авторов множества работ по социологии, в которой часто тщеславие их авторов далеко не оправдывалось научной ценностью их произведений. Признавая, однако, за самим социологическим движением серьезную основу, он только протестовал против отрицания какими-то социологами права за историей называться наукою, которая занимается только общим. Нужна и социология, нужна и история. «Историк, отводящий в своих исследованиях главное место социальным явлениям, этим самым служит социологу, и, наоборот, социология помогает историку в отыскании причин различных общественных явлений». Но при этом у Пискорского было очень неопределенное понятие о том, чем же занимается настоящая социология, о ее отличии от философии истории, от социальной психологии и от «науки о нравах».

От Павла Николаевича Ардашева (1865—1922/24)²³, бывшего профессором всеобщей истории последовательно в Юрьеве, в Киеве и в Симферополе, мы имеем две статьи историко-теоретического содержания: «О прогрессе в исторической науке» (1904 г., вступительная лекция) и «Психология в истории» (Вопросы философии и психологии, кн. 28). Возражая Боклю, требовавшему, чтобы история занималась открытием законов, ее явлениями, отстаивая конкретный характер исторической науки, Ардашев нашел нужным выяснить свое отношение к социологии, которую он только назвал по имени, больше ничего о ней не сказавши, не сделав даже ни малейшего намека на то, как он понимал взаимные отношения обеих наук. Вторая статья была только разбором одной «новейшей попытки психологического обоснования истории» (G. Le Bon. L'homme et les societes.), где, между прочим, совершенно правильно указывалось на недостаточность сведения истории к одной психологии, не пожелав, однако, принять в расчет существования в истории стороны социологической в более тесном смысле отношений и учреждений, возникающих из материальной основы человеческой

Жизни, хотя и заметил, что критикуемый им писатель «до крайности умалял роль учреждений».

Последним из старых историков, высказывавшихся о социологии, является Дмитрий Моисеевич Петрушевский²⁴ (род. 1863), по специальности медиевист и англицист, занимавший кафедры в Варшаве и Петербурге (в Политехническом Институте) и в Москве; с 1929 г. член Академии Наук*).

Первое выступление Петрушевского с заявлением своей научной *profession de faits* относится еще к 1892 г., когда, разбирая книгу Виноградова «*Villainage in England*» (Журн. Мин. Нар. Просв.), где приблизительно высказал ту мысль, что научно надлежащим образом заниматься можно только «материальной историей», благодаря большей точности ее материала сравнительно с большою расплывчатостью материала, касающегося истории духовной культуры**. В данном случае Петрушевский, сам занимавшийся почти исключительно социально-экономическими и социально-политическими отношениями, довольно близко стоял, в понимании задач исторической науки, взглядам Виноградова и Ключевского. Не по примеру большинства историков, ограничивавшихся большою частью однократным высказыванием своих общих взглядов, Петрушевский постоянно возвращался к теоретическим вопросам науки, не раз видоизменяя при этом и положения свои, и их формулировку, вследствие чего на нем следует остановиться более подробно.

Во вступительной лекции, читанной Петрушевским в Варшавском университете в 1897 г. и напечатанной в журнале «Образование» (1898, II), говоря о задачах всеобщей истории как науки, он коснулся и вопроса о социологии. «До известной степени», да и то «с очень большими оговорками» он готов был согласиться, что «социологи кое-что сделали для изучения первобытной культуры», но совершенно отказывался считать «серьезными научными приобретениями обобщения социологов, относящиеся к более поздним временам, в особенности обобщения, претендующие на название социологических законов». Главное обвинение социологам заключалось у него в том, что им «чужды строго научные приемы исследования». Несмотря на такой суровый отзыв» однако, Петрушевский признал тут же за социологическим

* Записки об ученых трудах действ. чл. Ак. Наук СССР по Отд. гуманитарных наук (1930), стр. 85—190.

** См. мою статью «По поводу новой формулировки материальной истории». Отд. оттиск. СПб., 1892.

движением и «весьма положительные результаты», так как оно «во всей определенности поставило вопрос об общественной эволюции и о ее законах и сделало его основной задачей, конечной целью общественной науки». Благодаря этому «история получила от социологии весьма плодотворный импульс, под влиянием которого она может окончательно стать на твердую почву реального изучения», приняв «социологическую точку зрения, видящую в каждом общественном явлении продукт всех сил, действующих в обществе. История должна усвоить себе эти точки зрения, т. е. и эволюционную, и социологическую». Но, с другой стороны, указывал лектор, «все те, кто думали создать социологию каким-либо иным путем, игнорируя историю, обрекают свою науку на роль суррогата, удовлетворяющего потребности образованных людей в общем мировоззрении». Отсюда вывод, что «только история может научно поставить и решить социологические проблемы» и только «путем специальных частных изысканий», равно как только «путем и сравнительного изучения». Сама социология поэтому названа в этой лекции лишь наукой будущего.

Через два года после этого Петрушевский снова высказался по общему вопросу науки. Его статья «К вопросу о логическом стиле исторической науки»* представляла собой полемику о риккертском, как это и было тогда же отмечено одним рецензентом**, — полемику, в которой в рассуждениях Риккерта отмечались «крайняя неясность и неопределенность, граничащие подчас со спутанностью и противоречивостью». Петрушевский возражал против утверждения, что история не может быть наукой об общем, и указывал, что она и не может не быть наукой и об общем. Понять данную конкретную комбинацию можно лишь при «предварительном знании постоянных, вечных отношений между явлениями», и таким образом, «наука об индивидуальном имеет своей необходимою предпосылкою науку об общем», ибо «понять частное, конкретное, индивидуальное значит узнать общее в его конкретной оболочке». Отсюда выводилось, что «рядом с конкретно-историческим интересом естественным является для историка и интерес социологический». Давно пора, — заключил Петрушевский, — историкам раз навсегда освободиться от страха перед социологией», как ни скомпрометиро-

* Извест. Политехн. Инст. 1915 г., была издана и отдельно. См. о ней мою статью в «Рус. Зап.» за 1917 г.

** В. Волгин в «Рус. Вед.» 1916 г., № 265.

вали ее в глазах историков очень «уж упрощенные приемы профессиональных социологов», но «свои общие понятия история должна выработать в своей «собственной лаборатории», сама «определенно и строго ставя себе социологические задачи», добиваться не исторических только, но и социологических понятий, прямо «становясь социологией», которая устанавливала бы и законы, могущие быть лишь социологическими, так как не может быть речи об исторических законах». Таким образом различая здесь историческое и социологическое знание, исторические и социологические категории, он возлагал задачу социологов на самих историков, причем, однако, самое историю не мыслил как нечто единое, видя в ней «лишь общее название для целого ряда специальных исторических дисциплин». Даже возможность совмещения в одном лице нескольких специальностей не являлось для Петрушевского основанием для «создания особой науки чистой истории».

Следующим этапом в высказывании Петрушевским своих теоретических взглядов была его статья «Феодализм и современная историческая наука», появившаяся в одном сборнике исторических статей* и перепечатанная в третьем издании «Очерков из истории английского государства и общества» (1930). Здесь он проводит тот взгляд, что «все общественные науки ориентируются на историю, вернее — сами являются составными частями ее как науки об общем и в то же время как науки об индивидуальном», и вместе с тем находит в европейской общественной науке тот основной дефект, что в ней не выяснены «те основные категории, без которых совершенно немыслима никакая научная работа над явлениями общественного развития», и «недостаточно ясно разграничены социологические категории и категории исторические». Общие мысли, высказанные в этой статье, более обстоятельно были развиты Петрушевским в новой работе «Задачи и методы науки всеобщей истории».

В названном рассуждении Петрушевский не усматривает в факте дробления общественной науки на обособленные дисциплины «решающего аргумента против мысли о целостном, синтетическом понимании исторического процесса как единого целого». Из понятия такого процесса он выводит здесь «чисто научную постановку специальных общественных

* Из далекого и близкого прошлого. (Сб. этюдов из всеобщей истории в честь 50-летия научной жизни Н. И. Кареева. Пг.; М. 1923).

дисциплин», отождествляя ее, как и в других местах статьи, с социологической. «Идея об историческом процессе, совершающемся в каждом человеческом обществе», является для него «центральной идеей современной исторической науки, определяющей и содержание этой последней, и метод», и в таком воззрении он и усматривает «социологическое понимание исторического процесса». Только таким путем и создается «настоящая общественная наука, изучающая эволюцию человеческого общества и ее законы», но Петрушевский не хочет делать из таким образом понимаемой науки какую-то отдельную общественную дисциплину, полагая, что всякая попытка подобного выделения особой научной области с определенными границами может быть только искусственной. Петрушевскому представлялось здесь более соответственным логике и психологии научной работы, даже единственно правильным путем к воссозданию общественного процесса и к выяснению его законов разработывание «в чисто научной, социологической постановке» отдельных общественных дисциплин. С этой точки зрения Петрушевский выставил здесь требование, не создавая особой науки, иметь во всякой научной работе только некоторую конечную цель, которая направляла бы каждое отдельное изыскание и давала бы ему смысл. И в каждом изыскании должны быть в нераздельном соединении абстрактная и конкретная стороны, абстрактная в устремлении к конечной цели, конкретная — в данном материале. «Только тщательное, всестороннее выяснение общественного процесса, — решительно заявил здесь Петрушевский, — процесса, как он развивался в каждом отдельном конкретном человеческом обществе со всеми его индивидуальными особенностями, может нам дать возможность понять общественный процесс, конструировать его социологически и выяснить фазисы и законы его развития». Отсюда был сделан тот вывод, что наука, стремящаяся к уразумению общественного процесса, является историей, и что необходимо стать на почву сравнительного изучения, поскольку один и тот же, в сущности, процесс изучается в прошлом разных отдельных обществ. Чтобы «понять социологически, напр., феодализм, нельзя ограничиться изучением его в одной какой-либо стране, а нужно изучить его в ряде обществ, что не только выяснит феодализм, но и поможет лучшему пониманию каждого конкретного феодализма. Раз, однако, в истории нужно изучать ряд сходных процессов в разных обществах, она, история, есть всеобщая история. Общее заклю-

чение из всего этого — то, что данная наука по своим целям и задачам является абстрактной, по своему материалу — вполне конкретной». «Мы, — прибавляет Петрушевский, — твердо верим, что именно такой наукой, именно всеобщей историей в только что разъясненном смысле только и может быть общественная наука», в противном же случае эта последняя рискует превратиться в «ряд произвольных построений», в «систему бледных безжизненных абстракций» или в «праздную игру досужего воображения».

Таким взглядом совершенно была у Петрушевского упразднена социология как особая наука и ее функция возложена на всеобщую историю, хотя и сохранялось при этом понятие социологической точки зрения, видящей в каждом общественном явлении сложнейший продукт действия всех общественных сил, и, мало того, понятие социологического изучения становилось синонимом чисто научного понимания. Социология в таком толковании получила значение «общего названия для тех же исторических дисциплин в их генерализирующем, иначе номографическом аспекте. Каждая отдельная историческая дисциплина становилась в представлении Петрушевского «и историей, и социологией», а другой истории и другой социологии он и не считал для себя возможным представить.

Эту свою *profession de foi* Петрушевский помещал во введениях к двум своим книгам: «Очерки из истории средневекового общества и государства» (в 4 изд.) и «Очерки из экономической истории средневековой Европы» (1928). Подводя итоги под его общим воззрением, можно сказать, что Петрушевский в теоретико-познавательном смысле примкнул к Виндельбанду²⁵ и Риккерт²⁶, выяснившим для него поининому, чем прежде, «общую логическую природу наук о культуре, их целей и средств, далеко не совпадающих с целями и средствами наук о природе». Принимая это учение, хотя и не без оговорок, он тем самым отвергал англо-французский «методологический натурализм» и «натуралистическую социологию». На примере Петрушевского мы только лишний раз видим, как в конце прошлого века неокантианство отворачивало наших историков и юристов от традиций позитивистской социологии. Еще большее, чем Виндельбанд и Риккерт, оказал на Петрушевского влияние Макс Вебер. В предисловии к русскому переводу его «Аграрной истории и древнего мира» (без даты) Петрушевский назвал его блестящим представителем «истинно-научной социологической ра-

боты в смысле эмпирической социологии, ни на минуту не оставляющей реальной почвы широкого и многообразного опыта». В этой его характеристике заимствовал у Вебера и самый термин *empirische soziologie*, отмечая в нем «исключительный дар уловлять и ясно и отчетливо устанавливать взаимную обусловленность явлений общественного развития, а также общее и типичное под пестрым покровом индивидуального». И в этих последних словах косвенно заключается отрицание всякой не чисто-эмпирической, абстрактной социологии.

Если мы соберем теперь воедино главные черты отношения русских историков к социологии, то увидим следующее: во-первых, из громадного количества наших историков высказалось о социологии очень ограниченное их число, причем некоторые из них; во-вторых, при этом не обнаружили достаточного знакомства с тем, чем уже была фактически социология их времени, и вообще не углублялись в рассмотрение проблемы. Однако, в-третьих, большинство высказывавшихся относилось скептически или отрицательно к социологии как к особой от истории науке, усваивало понятие «социологической точки зрения», отождествляя, впрочем, последнюю иногда с интересом к социальной истории или социологическим категориям. В-четвертых, на понимание взаимного отношения между историческим и социологическим не в том смысле, как это понимали сами социологи, немалое влияние в некоторых случаях оказывала виндельбандо-риккертовская классификация наук, какие бы оговорки в них не вносились. Автор настоящей книги, будучи историком, сразу усвоившим понятие социологии как науки абстрактной или, по его терминологии, номологической, отличной от истории как науки конкретной, неоднократно пересматривал этот вопрос в ряде книг и статей*, постоянно следя за тем, как относились к социологии товарищи по исторической науке, взгляды которых не поколебали его исходной точки зрения. Единственное крупное изменение в этом взгляде заключалось в признании, что между конкретной историей и абстрактной социологией может существовать ряд переходных ступеней в порядке убывающей эмпиричности при помощи подведения

* В «Знании» за 1876 г., в «Основных вопросах» (1883), «Разработка теоретических вопросов исторической науки» (1890), «Об отношении истории к другим наукам» (1893), «Введение в изучение социологии» (1897), «Задачи социологии и теории истории» (1897), «Успехи современной социологии в их соотношении с историей» (1898), «Историология» (1915), «Общие основы социологии» (1919).

единичных явлений под типы и дальнейшего объяснения последних («Типологическая и всемирно историческая точка зрения в изучении истории»²⁷). «Эмпирическая социология» Макса Вебера подошла бы под такое типологическое изучение.

Таково было отношение русских историков последней трети XIX и первой трети XX столетия к социологии в эпоху позитивистских и неокантианских влияний. Более тесная связь между историками и социологами, как мы увидим²⁸, образовалась в марксизме.

КОММЕНТАРИИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Предыдущую главу «Основ русской социологии» академик Н. И. Кареев посвятил анализу взглядов ученых-юристов на социологию.

2. См. статью Н. И. Кареева «Разработка теоретических вопросов исторической науки // Русская мысль. 1890.

3. Мейер Эдуард (1855—1930), немецкий историк древности, проф. истории в Лейпциге (с 1884), Бреславле (с 1885), Галле (с 1889), Берлине (1902—1923). Мейер виртуозно владел историковедческой техникой исторического исследования, причем в одинаковой мере с разными источниками. Это позволяло ему создавать не только сугубо исторические, но и теоретические труды, один из которых упомянул Н. И. Кареев. По-немецки эта работа Э. Мейера названа так:

«Zur Theorie und Methodik der Geschichte» (Halle. 1902. Русск. пер., М., 1904).

Однако прославился Э. Мейер не этим сочинением. Свое имя он вписал в анналы мировой историографии пятитомником — *Geschichte des Altertums* (Bd 1—5. Stuttgart. 1882—1902. 3 Aufl., 1910—1939) (История древности).

4. Вебер Макс (1864—1920), немецк. социолог, историк, философ, экономист и политик, оказавший огромное влияние на развитие общественных наук не только (и не столько, быть может) в Германии, сколько во франко-англоговорящих странах. Не осталась без влияния М. Вебера и Россия (о чем не преминул сказать Н. И. Кареев). М. Вебера нередко называют на Западе «великим буржуазным антиподом Карла Маркса» и даже «Марксом буржуазии».

5. Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич (1863—1919), русский историк и методолог, академик (с 1899), один из общественных деятелей России. В 1886 г. окончил С.-Петербургский университет (учился у Н. И. Кареева), с 1890 г. — приват-доцент, а позднее профессор этого университета. Наиболее ценные труды: 1) Критические заметки по истории народного хозяйства Великого Новгорода и его области за XI—XV вв. СПб., 1895; 2) Очерки внутренней политики имп. Екатерины II. Спб., 1898-3) Методология истории. Вып. 1—2. Спб. 1910—1913.

Подробнее о нем см.: Сб. статей, посвященных А. С. Лаппо-Данилевскому / Под ред. Н. И. Кареева. Пг., 1916 (Историческое обозрение. Т. XXI). Как видим, Н. И. Кареев посчитал нужным посвятить Лаппо-Данилевскому целый том редактируемого им «Исторического обозрения».

А когда А. С. Лаппо-Данилевский безвременно скончался в лихолетье 1919 г., Н. И. Кареев произнес в честь него на заседании Исторического общества поминальную речь, которую озаглавил: «Историко-теоретические труды А. С. Лаппо-Данилевского» (Русский исторический журнал. 1920.

6. Данилевский Николай Яковлевич (1822—1885), очень известный русский публицист и социолог славянофильской ориентации. Основной его труд «Россия и Европа», вышедший в 1871 г., вызвал жесточайшую полемику в русской периодике. Одними современниками он назывался «катехизисом славянофильства» (Н. Н. Страхов), другими же — «литературном курьезом» (Вл. С. Соловьев). Не оберек себя от полемики и Н. И. Кареев, опубликовав в 1889 г. в журнале «Русская мысль» весьма пространную статью (более 40 стр.) «Теория культурно-исторических типов». Статья эта была перепечатана в собр. соч. Н. И. Кареева (Т. 2. СПб., 1912. С. 67—107).

Труд Н. Я. Данилевского переиздан в серии «Историко-литературный архив» изд-вом «Книга» в 1991 г.

7. Стасюлевич Михаил Матвеевич (1826—1911), русский историк, журналист и общественный деятель. Окончил С.-Петербургский университет (1847 г.). Приват-доцент, затем профессор кафедры всеобщей истории ун-та (1852—1861). В течение 42 лет издавал и редактировал один из лучших толстых журналов «Вестник Европы» (1866—1908). Имел свою весьма мощную типографию, помещавшуюся в доме № 5 по 28 линии Васильевского острова. В ней Н. И. Кареев издавал почти все свои сочинения. Н. И. Кареев был более чем дружен с М. М. Стасюлевичем.

Михаил Матвеевич написал мало. Отметим два его труда:

1) История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых (Т. I—4. СПб. 1863—1865) (монументальная хрестоматия);
2) Опыт исторического обзора главнейших систем философии истории (СПб. 1866). О ней и упомянул Н. И. Кареев.

8. Герье Владимир Иванович (1837—1919), русский историк, профессор всеобщей истории Московского университета (1866—1904), учитель Н. И. Кареева. Написал В. И. Герье за свою продолжительную жизнь мало: по нашим подсчетам, всего лишь 61 сочинение, в том числе и «Очерк развития исторической науки» (М., 1866), который — хотя и не назвал, но — упомянул Н. И. Кареев и даже привел из него несколько цитат.

9. Тэн Ипполит (1828—1893), французский философ, литературовед и историк. Член Французской академии (с 1878 г.). Творчество Тэна 50—70-х годов в основном охватывает историографические проблемы. Основной его труд — «Происхождение современной Франции (Vol. 1—3. Paris. 1876—1893; русск. пер. Т. 1—5. СПб., 1907). В комментируемом тексте Кареев имеет в виду именно упомянутый выше многотомник И. Тэна. Подробности можно узнать из обширной статьи Н. И. Кареева «Тэн перед судом Олара» (Русское Богатство. 1907. VII).

10. Лучицкий Иван Васильевич (1845—1918), русский и украинский историк. Окончил Киевский ун-т им. Св. Владимира. С 1877 г. — профессор этого ун-та. Написал значительное количество исторических исследований по аграрной тематике Франции и других стран Запада. Пользовался громадным научным авторитетом как у нас, в России, так и на Западе.

11. Трачевский Александр Семенович (1838—1906), русский историк, окончил Московский университет, ученик С. В. Ешевского. В 1878—1890 гг. проф. Новороссийского ун-та. По материалам русск. и парижских ар-

живов подготовил и опубликовал ценное собрание документов «Дипломатические сношения России с Францией в эпоху Наполеона I» (Сб.-к Русск ист. об-ва. Т. 70, 77, 82, 88. СПб. 1890—1894). Трачевскому принадлежит также большое к-во научно-популярных работ и статей, о которых и упомянул Кареев. Взаимоотношения — научные и человеческие — Трачевского и Кареева были более чем сложные. Это не могло не повлиять на те страницы, которые Кареев посвятил своему коллеге. Подробнее обо всем этом можно прочитать: Кареев Н. И. Прожитое и пережитое. Л. Изд-во Ленинградск. ун-та. 1990. С. 154, 175—198.

12. Соловьев Сергей Михайлович (1820—1879), гениальный русский историк, автор многочисленных исследований по отечественной истории, среди которых, как Монблан, возвышается его 29-томная «История России с древнейших времен» (М., 1851—1879).

В 1842 г. окончил Московский ун-т, в котором с 1845 г. начал преподавательскую деятельность. С 1847 г. — профессор, в 1864—1870 гг. декан историко-филологического факультета. Академик (с 1872 г.). В 1871—1877 гг. — ректор Московского ун-та. В его ректорство историко-филологический факультет достиг европейских высот во всех сферах своей работы, особенно в подготовке профессионалов-историков. С. М. Соловьев не чужд был и интересам всеобщей истории. Как ученый он внушал молодым всеобщим историкам брать темы для научных исследований на стыке истории России и стран Запада. Тем самым С. М. Соловьев показал себя и как значительный организатор отечественной науки всеобщей истории. Похоже, что именно так следует понимать кареевские слова: «С. М. Соловьев исключение».

13. Ключевский Василий Осипович (1841—1911), гениальный русский историк. В 1865 г. окончил историко-филологический факультет Московского ун-та. В 1872 г. защитил магистерскую диссертацию «Древнерусские жития святых как исторический источник» М., 1871, в 1989 г. изд-вом «Наука» переиздана репринтным способом). В 1882 г. защищена «Боярская дума Древней Руси» СМ., 1882) в качестве докторского исследования. С этого же года — профессор Московского ун-та, с 1889 г. — член-корреспондент Академии наук, с 1900 г. — действительный член (академик) истории и древности российских, с 1908 г. — почетный академик изящной словесности. Ключевский — дважды академик: случай в российской гуманитарной науке уникальный. Ключевский — автор знаменитого пятитомника «Курс русской истории».

Ключевский воспитал целую плеяду выдающихся русских историков, среди которых М. К. Любавский, М. М. Богословский, Н. А. Рожков, А. А. Кизеветтер, П. Н. Милоков и др. Они составили знаменитую в мировой историографии «Школу Ключевского». Уже упомянутый нами Г. П. Федотов в своей блестящей по стилю и очень глубокой по содержанию статье «Россия Ключевского» (она написана почти в одно время с комментируемой главой Н. И. Кареева) дал несколько отличную интерпретацию социологии В. О. Ключевского (См.: Федотов Г. П. Россия Ключевского // Россия, Европа и мы: Сборник статей. М., 1967 или: Наше наследие. 1991. III (21). С. 97—102).

14. Виноградов Павел Гаврилович (1854—1925), выдающийся русский историк-медиевист. Ученик В. И. Герье. Окончил Московский университет. Профессор Московского ун-та. Академик с 1914 г. После 1917 г. был вынужден покинуть Россию и принять английское подданство. В последние годы работал профессором Оксфордского ун-та.

15. Милоков Павел Николаевич (1859—1943), крупный русский историк и выдающийся политический деятель России первых двух десятилет-

тний XX в., лидер Конституционно-демократической партии России (партии народной свободы). Окончил Московский университет (1882), с 1886 г. — приват-доцент этого университета по кафедре русской истории. В 1885 г. за связь со студенческим движением был уволен. Уехал за границу, где выступал с лекциями в Софийском (Болгария) и Чикагском (США) университетах. Весной 1905 г. вернулся в Россию, где вместе с И. И. Петрункевичем занял видное положение в только что начавшейся организовываться конституционно-демократической партии. В первом Временном правительстве занял пост министра иностранных дел. Был истинным патриотом России. С началом второй мировой войны Милюков бесповоротно встал на позиции той части русской эмиграции, которая отказалась от сотрудничества с гитлеровцами.

Как историк П. Н. Милюков плодovit: он написал целый ряд перво-классных исследований, в том числе и с социологическими красками, о которых говорит Н. И. Кареев. После 1917 г. труды П. Н. Милюкова в России не издавались. Исключение пока составляют лишь его «Воспоминания»: они изданы изд-вом «Современник» в 1990 г. (в 2-х томах), а также Политиздатом в 1991 г. (в одной большой книге). Оба советских издания — с американского, которое было осуществлено под редакцией М. М. Карповича и Б. И. Элькина в Нью-Йорке изд-вом имени Чехова в 1955 г. Добавим к сказанному: журнал «Вопросы истории» планирует в своем приложении на 1992 г. издать отдельным томом: П. Н. Милюков. Из истории русской интеллигенции.

16. Безобразов Павел Владимирович (1859—1918), русский византист, ближайший сотрудник академика В. Г. Васильевского (1838—1899). В 1887—95 гг. — приват-доцент Московского ун-та. Крупнейший знаток источников (в том числе рукописных) по аграрной истории Византии, бывшей его главной специальностью. Занимался также историей византийской культуры. Помимо работ по упомянутым сюжетам, Безобразову принадлежит значительное количество рецензий, в том числе на докторскую диссертацию Н. И. Кареева. «Основные вопросы философии истории» (Т. 1—2. М., 1883; Т. 3. СПб., 1890) в журнале «Русское богатство» (1890. IV. С. 910—916).

Память Н. И. Кареева подвела — критиками его диссертации (из историков) были не только П. Н. Милюков и П. В. Безобразов (как о том пишет Кареев), но и также историк Н. А. Рожков (о нем речь впереди), опубликовавший большую статью «Несколько спорных социологических вопросов» (Образование. 1899. III. С. 82—89). Наряду с этим вызывает недоумение, почему Н. И. Кареев посчитал П. Л. Лаврова не-историком, хотя он был несомненно выдающимся историком, а к Тому же весьма лестно отозвался о его диссертации, в одном мало кому известном заграничном издании своего знаменитого труда (см. Лавров П. Л. Опыт истории мысли нового времени. Т. 1. Задачи истории мысли До истории. Женева. 1888. С. 78, 101—102) дважды назвав ее «замечательным трудом».

17. Уорд Лестер (1841—1913), американский социолог, геолог, палеонтолог, один из основателей палеоботаники. С 80-х годов XIX в. занялся социологией, профессор социологии в университете Брауна (1906—1913), первый президент Американского социологического общества (1906—1908), автор знаменитой работы «Динамическая социология» (*Dynames sociologu*. Vol. 1—2. New York. 1924, которая была запрещена в России. О нелепостях этого запрета с грустной иронией рассказал в своих воспо-

киваниях Н. И. Кареев (см.: Прожитое я пережитое. Л. Изд-во Ленинградск. ун-та. 1990. Глава X).

18. Лавров Петр Лаврович (1823—1900), выдающийся русский философ, социолог, историк и революционер. За свои революционные взгляды и действия в 1867 г. был сослан в Вологодскую губернию, откуда в 1870 г. при помощи Г. А. Лопатина бежал в Париж и где умер в 1900 г.

Лавров написал много социологических работ (некоторые из них нами упомянуты в комментарии № 17). Он — наравне с Н. И. Кареевым и Н. К. Михайловским и др. — по праву считается одним из основателей международно известной «субъективной школы русской социологии».

19. Михайловский Николай Константинович (1842—1904), «патриарх» русской публицистики, литературный критик, самобытный социолог, один из идеологов народничества. С 1866 г. работал в «Отечественных записках» (сотрудник, затем один из редакторов). В этом журнале опубликовал свои работы: «Теория Дарвина и общественные науки», «Записки профана» и др. С 1892 г. и до самой смерти — один из ведущих редакторов журнала «Русское Богатство», в котором активно сотрудничал (не без помощи Михайловского) и Н. И. Кареев. После смерти Н. К. Михайловского Кареев (в память о своем друге) опубликовал целый ряд статей о нем как социологе. Более подробно см.: «На славном пути (1860—1900): Литературный сборник, посвященный Н. К. Михайловскому». СПб., 1900.

20. Виппер Роберт Юрьевич (1859—1954), советский историк, профессор, академик Академии наук СССР (с 1943). Учился в Московском университете (1876—1880). В 1894 г. защитил докторскую диссертацию «Церковь и государство в Женеве XVI в. в эпоху кальвинизма». После этого преподавал всеобщую историю в разных учебных заведениях, в том числе в Новороссийском университете (1894—1897). В 1897—1899 гг. — приват-доцент Московского ун-та; в 1899—1922 гг. — профессор этого ун-та; в 1922—1938 г. — проф. Латвийского ун-та (Рига), с сентября 1941 г. — проф. Московского ун-та. Виппер написал около 300 работ по самым разнообразным сюжетам всеобщей и русской истории, среди них и по теоретическим вопросам исторической науки, которым дает оценки Н. И. Кареев. Добавим, что брошюру Р. Ю. Виппера «Кризис исторической науки» (Казань, 1921) Н. И. Кареев подверг обоснованной критике в рецензии, которая до сих пор не опубликована (См.: Архив Академии наук СССР (Московское отделение). Ф. 627 (Е. В. Тарле). Оп. 5. Д. 49. Л. 1—4). В ней мысли во многом совпадают с теми, что высказаны Н. И. Кареевым на комментируемых страницах.

21. Рожков Николай Александрович (1868—1927), русский историк, социолог, публицист и общественный деятель. В 1890 г. окончил Московский ун-т, с 1899 г. — приват-доцент этого ун-та.

После 1917 г. работал профессором ряда учебных заведений Петербурга и Москвы (Ин-т красной профессуры, институт истории РАНИОН и др.). Рожков — автор свыше 300 работ, крупнейшие из них и подвергает своей оценке Н. И. Кареев. Подробнее см.: Материалы для библиографии трудов Н. А. Рожкова. М., 1928 (Обращаем внимание читателей на прим. № 16).

22. Пискорский Владимир Константинович (1867—1910), русский историк-медиевист. Ученик И. В. Лучицкого (см. прим. № 10). Окончил Киевский ун-т. С 1906 г. — профессор Казанского ун-та. Специалист по средневековой Испании. Написал мало. Главный его труд (кроме тех, 6 которых упомянул Кареев) — «Кастильские кортесы в переходную эпоху от средних веков к новому времени. 1188—1520». (Киев, 1897, исп. пер.,

Barcelona» 1930), Добавим, что Пискорский (как я его учитель И. В. Лучицкий) чурался теоретических вопросов исторической науки.

23. Ардашев Павел Николаевич (1865—1922 или 1924?), русский историк. Окончил Московский ун-т, ученик В. И. Герье. Главный труд Ардашева «Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору старого порядка (1774—1789). Провинциальные индентанты» (Т. 1, магистерская диссертация (1900); Т. 2, докторская дисс. Киев (1906) (есть франц. перевод); Т. 3, Сб. док-тов, Юрьев (1904).

Ардашев последовательно работал профессором Юрьевского (с 1901), Киевского (с 1903), Симферопольского (1921—23) университетов.

Развернутый разбор основного исследования Ардашева дал Н. И. Кареев в 1910 г. по заданию Академии наук (См.: Отчет о 13 присуждении АН премий митрополита Макария. СПб., 1910). Сразу же после смерти Ардашева Н. И. Кареев написал для журнала «Анналы» некролог. Он не был напечатан, но, к счастью, сохранился (см.: Архив Академии наук СССР (Московское отделение). Ф. 627 (Е. В. Тарле). Оп. 5. Ед. хр. 50. на 4 стр.). Подробнее об Ардашове см.: Леонидова О. А., Иванова Т. Н. П. Н. Ардашев: материалы к научной биографии // Эпоха Великой французской революции: проблемы истории и историографии: Межвузовск. сб. научных трудов. Чебоксары. 1989. С. 76—92.

24. Петрушевский Дмитрий Моисеевич (1863—1942), историк-медиевист, заслуженный профессор (с 1925), член-корреспондент (с 1924), академик (с 1929) АН СССР. Ученик И. В. Лучицкого. С 1906 г. — профессор кафедры всеобщей истории Московского ун-та, в 20-е годы — директор ин-та истории РАНИОН. Петрушевский написал значительное количество исторических исследований. Кроме упомянутых Н. И. Кареевым, назовем: «Восстание Уорта Тайлера» (Ч. 1—2. СПб.; 1897—1901; 4 изд. М. 1937); «Очерки из экономической истории средневековой Европы» (М.; Л. 1928). Подробнее см.: Средние века. Вып. 2. М. 1946 (весь выпуск посвящен памяти Д. М. Петрушевского, имеется библиография его работ).

25. Виндельбанд (Windelband) Вильгельм (1848—1915), немецкий философ-идеалист, глава баденской школы неокантианства. Профессор в Цюрихе (1876), Фрейбурге (1877), Страсбурге (1882) и Гейдельберге (1903).

Виндельбанд известен своими трудами по истории философии: История древней философии (1888, русск. пер. 1893); История новой философии (Т. 1—2, 1878—1880, русск. пер. 1902—1905) и др.

Разрабатывая методологию наук, Виндельбанд утверждал, что естественные науки изучают повторяющиеся в явлениях, а исторические науки — единичные явления в их неповторимости и исключительности: «Одни из них — суть науки о законах, другие — науки о событиях» («Прелюдии», 1904, С. 319—320). Виндельбанд (как Риккерт, см. прим. № 27) делил науки на номотетические (изучают законы) и идиографические (описывающие факты и события). Однако приоритет в этом принадлежит не им, а русскому историку-философу Н. И. Карееву, который лет за 10 до них установил две категории наук: номологические (изучающие законы) и феноменологические (описывающие факты) (См.: Кареев Н. И. Основные вопросы философии истории. Т. 1—2. М. 1883. Т. 1. С. 106).

26. Риккерт (Rickert) Генрих (1863—1936), немецкий философ, один из основателей (наряду с Виндельбандом) баденской школы неокантианства. Основные работы Риккерта посвящены учению о понятиях и позна-

нию: Границы естественно-научного образования понятий (русс. пер. 1903); Введение в трансцендентальную философию. Предмет познания (русс. пер., 1904); Философия истории (русс. пер., 1908) и др. Риккерт делил науки на генерализирующие (обобщающие) и индивидуализирующие. К последним он относил историю.

27. Эта большая статья Н. И. Кареева опубликована: Известия С.-Петербургского политического института им. П. Великого. Спб. 1905, Т. 3 Вып. 1—2. Несколько ранее Н. И. Кареев выступил в одном из популярных журналов со статьей «В защиту научности всемирно-исторической точки зрения в преподавании истории» (Русская школа. 1904. Лк 2). Эти статьи развивают сходные идеи русского историка-философа.

28. Слова «как мы увидим» автор относит к главе VIII (Марксистская социология) своей книги «Основы русской социологии».